

Васил Проданов⁵

КАК ПРЕОДОЛЕТЬ КРИЗИС МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА?

В последние годы лидеры крупных западноевропейских государств — Саркози во Франции, Меркель в Германии и Кэмерон в Великобритании — в той или иной форме отказались от мультикультурализма как политики интеграции возрастающего количества иммигрантов в их государствах. Начали говорить о «кризисе мультикультурализма», о том, что «мультикультурализм уже мертв». При такой ситуации встает вопрос, что делать с этого момента и далее, имея в виду такие тенденции, как увеличивающееся число иммигрантов, уменьшающиеся возможности национальных государств в условиях глобализации формировать общую национальную идентичность и опасности этнической и религиозной противопоставленности.

Кризис мультикультурализма является результатом того, что идея равенства культур, признания и уважения иной культуры, различий сталкивается с фактом, что там, где существует много культур, актуальным является вопрос, что же будет тем общим, от чего зависит единство между людьми. И вообще, каковы границы культурного разнообразия и дифференциации, к которым мы должны проявлять терпимость? Очевидно, что такие границы необходимы и невозможна терпимость к любой потенциальной культуре.

Культуры не являются чем-то застывшим и неизменным, они развиваются и изменяются, особенно сегодня, огромными темпами, и встает вопрос, к чему именно мы должны испытывать уважение в данном процессе перемен. Они не являются некими закрытыми целостностями, а содержат самые различные элементы, непрерывно усваивая новые, отказываясь от

старых или реконструируя их и создавая новые. Это приводит к созданию конструктивистских теорий идентичности. Конструктивизм как социальная теория опирается на идею, что виды идентичности не какая-то неизменная данность, они изменяются; на тот факт, что человек может иметь множество видов идентичности, которые выражают его принадлежность к различным общностям, и здесь важно найти механизмы их взаимосвязи, интеграции между ними. Невозможно создание государства или какой бы то ни было крупной общности на основе принципа ничем не ограниченного плюрализма, разнообразия и различий без границ, ничем не ограниченной толерантности.

Определенные характеристики прошлых общностей коренным образом противоположны представлению о ценностях современного общества. Существует вопрос: как преодолеть эти противоположности? Необходимо ли подходить толерантно к каждой характеристике отдельной культуры? Существуют культуры, в которых традицией является, например, жертвоприношение, так необходимо ли с уважением относиться к этому? Необходимо ли уважать это различие? Если, например, в исламской культуре, связанной с шариатом, считается нормальным отрубить руку вору или забить неверную супругу камнями, то необходимо ли, чтобы это различие было принято остальными, аргументируя тем, что они должны проявлять толерантность к иной культуре? Нормальным ли будет их взаимное сосуществование, если эти общности имеют различные представления о ценности человеческой жизни? Если у них нет никаких общих ценностей, общего понимания о справедливости и несправедливости, равенстве и неравенстве, приемлемом и неприемлемом поведении, если нет взаимодействия, а есть разделение в различных общностях, то в этом случае невозможна никакая единая государственная общность. Очевидно, что необходимы какие-то границы в различиях, вне которых должно существовать нечто общее, нечто объединяющее, что дает возможность сосуществованию различий.

В классических либеральных представлениях, идущих от Джона Стюарта Милля, вводится идея, что та-

⁵ Член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. 21 монографии: «Добро и дльжимо», «Познание и ценности», «Биосоциални ценности», «Биоетика», «Гражданското общество и глобалният капитализъм», «Насилието в модерната епоха», «Бъдешето на философията» и др. Член редколлегий ряда научных журналов.

кая граница должна формулироваться на основе принципа «не вредить». Наша толерантность к различиям, плюрализму должна бы ограничиваться там, где начинается причинение вреда другим. Эта формула на первый взгляд выглядит весьма понятной и приемлемой. Большая проблема состоит в том, что по вопросу, что «вредит» и что «не вредит», могут существовать в корне различные интерпретации в зависимости от интересов и ценностей различных социальных групп. По этому вопросу идут постоянные дискуссии, и позиции, которые отстаивают, например, консерваторы, отличаются от позиции либералов, а у социалистов и коммунистов они еще более расходятся. А поскольку существуют десятки видов консерватизма, либерализма, социализма, коммунизма, то между ними также имеют место коренные различия.

В поисках ответа на вопрос, как сочетать разнообразие и единство, как найти баланс отношений между ними, я бы отметил три фактора и соответственно три уровня такого сочетания — политический, культурный, социально-экономический. При этом речь идет о сочетании, которое характеризуется такими понятиями, как «интеграция», а не «ассимиляция». Только при взаимодействии этих трех механизмов можно прийти к эффективному сочетанию разнообразия идентичностей с их интеграцией, взаимодействием, единством.

1. Политическое измерение интеграции

Опыт как прошлого, так и настоящего показывает, что этническое понятие нации и связанный с ним этнический национализм могут иметь бедственные последствия для общества, привести к сильным конфликтам и противостоянию. Поэтому, очевидно, необходимо воспринять идею политической нации, где каждый гражданин имеет равные права и ни в коей мере не может подвергнуться дискриминации в обществе ни по какому поводу, а законы, по которым он живет, и границы его прав определяются через участие всех граждан в политическом процессе. Если определенная культура предполагает различия в индивидуальных правах граждан, например в оценке мужчины и женщины, то такие характеристики данной культуры должны быть неприемлемы, с тем чтобы соответствующая единая политическая нация могла существовать. Такое сочетание возможно, только если принять политическое, а не этническое понятие нации и опираться на деэтнизованную и секуляризованную политику.

Это предполагает категорический отказ от создания партий по этническому признаку, поскольку такие партии превращаются в основной механизм этнической капсуляции и сегрегации соответствующих избирательных корпусов, препятствуя, по существу, их интеграции. Разделение между партиями должно происходить прежде всего с точки зрения их социально-экономических программ, причем предполагается, что это основная группа проблем, которые они должны решать.

То же самое касается и запрета на создание партий на религиозной основе. Здесь презумпцией является то, что различия в политическом и религиозном плане должны быть характеристиками гражданского об-

щества, а не политики. Существует политическое понятие нации и национальной идентичности, которое предполагает, что, например, все, кто имеет болгарское гражданство, являются болгарскими. Однако отсюда следует, что любая попытка проникновения религии в политику является опасной, и когда, например, мусульмане говорят, что следуют в своих отношениях шариату, это таит в себе опасность для политической интеграции и политической нации, то есть данная религия должна быть ограничена в рамках гражданского общества, без претензий задавать правовые нормы и вмешиваться в политику.

2. Культурное измерение интеграции

Политического понятия нации, однако, недостаточно для интеграции. Об этом говорит прежде всего тот факт, что в современном мире существует много случаев, когда люди имеют двойное гражданство, то есть относятся к двум политическим нациям. Сотни тысяч болгарских граждан являются одновременно гражданами других политических наций — турецкой, американской, различных европейских наций и т. д. Если человек принадлежит к различным политическим нациям и в то же время имеет одну отдельную этническую или культурную идентичность, то это может привести к культурным и этническим конфликтам. Болгарин, который, например, живет в США и имеет и болгарское и американское гражданство, но только болгарскую идентичность, вряд ли сможет реализовать себя в США, развиваться там, он был бы изолирован от остальных. В то же время в случае конфликтов между двумя государствами постоянно возникает вопрос, к какому из них он будет относиться лояльно. Тот же пример можно привести с болгарским турком, который имеет турецкое гражданство, но живет и работает в Болгарии. Он не мог бы себя реализовать, если бы обладал только некоей застывшей и неизменной турецкой этнической и соответственно культурной идентичностью. Именно поэтому следует учитывать еще один уровень интеграции — культурный.

Когда мы говорим о культурном измерении интеграции, следует иметь в виду по крайней мере шесть основных обуславливающих его факторов.

Во-первых, возрастающая роль разнообразия и индивидуализации в современном мире, что предполагает, что индивид не связан навечно с той или иной идентичностью. И идентичности, и культуры — даже когда речь идет о религиозных и этнических идентичностях — не остаются чем-то постоянным, а непрерывно изменяются, отказываясь от одних элементов и включая новые. Общеизвестен тот факт, что миллионы людей каждый год меняют свою религиозную идентичность, другие миллионы в результате быстро увеличивающегося числа смешанных браков стоят перед выбором, какую национальную идентичность предпочесть. В то же время в родном языке болгарских турок существуют болгарские слова — результат совместного существования с болгарскими, а в болгарском языке имеется множество слов, которые были восприняты еще во времена Османской империи. Этническая и национальная характеристики людей радикально изменяются

в процессе модернизации. И идентичность современного болгарина совсем не та, что была у проболгарина, и даже не та, которую имели описанные Йорданом Йовковым и Елином Пелиным сельские персонажи.

Идентичность, связанная с соответствующими ценностями и самосознанием болгарского турка, кардинально отличается от идентичности турка в Османской империи. Она формировалась в болгарском культурном ареале, через болгарские институты и поэтому является не некой абстракцией, а идентичностью болгарского турка. Не только модернизация и демократия, но и интенсивное взаимодействие с другими культурами и общностями изменяют данную идентичность. Существуют такие понятия, как «культурная диффузия», «инкультурация» и «аккультурация», «гибридизация», которые предполагают различные заимствования, взаимодействия и сочетания культур. А постмодернизм в последние десятилетия исследует различные механизмы и версии культурных сочетаний и соответственно изменяющихся идентичностей. Не случайно так называемые постколониальные исследования подробно изучают различные транскультурные образования или «гибриды», которые остаются в соответствующих странах с уходом колониализма и проявляются во множестве элементов языка и культуры, оставшихся от колониальных метрополий.

Мультикультуралисты придают большое значение родному языку, но и он является не застывшей данностью, а культурным гибридом. И в болгарском языке, который рассматривается как исключительно важный фактор идентичности, в результате подобных транскультурных взаимодействий прижились тысячи персидских, арабских, османско-турецких, русских слов, а в последнюю четверть века в него вошли сотни английских слов и фраз, отражающих доминирующее воздействие мирового гегемона в экономике, культуре, политике. Всего за 20 лет — с 1990 по 2010 год, по данным изданного в 2010 году Институтом болгарского языка БАН словаря новых слов и значений, в болгарском языке появилось 5 тыс. новых слов, причем многие из них заимствованы из других языков, определяя таким образом в соответствующем измерении болгарскую национальную идентичность. Большая их часть используется и болгарскими турками, армянами, ромами и другими, то есть слова становятся частью их родного языка.

В современном глобализованном мире индивиды вступают в различные взаимодействия с далекими от них культурами и общностями, что влияет на каждую из них. Например, два десятилетия тому назад празднование дня влюбленных — Дня святого Валентина было присуще определенным католическим культурам, а сегодня он празднуется молодыми болгарскими и турками и становится частью их традиции. До XIX века традиции рождественских елок на Балканах не существовало, сегодня она стала частью идентичности всех этнических общностей на континенте. Культуры проникают одна в другую так же, как и идентичности. При этом индивиды могут играть в различной степени активную роль в этом процессе. Идентичности или те или иные их элементы, проявления, вариации являются и вопро-

сом выбора. Человек, например, может выбрать светскую или религиозную идентичность, принять определенные элементы существующих религиозных или светских идентичностей и отказаться от других.

Однако в то же время в культурных взаимодействиях могут возникать конфликтующие и регрессивные, фундаменталистские идентичности, обращенные в прошлое, воспринимаемые как природная данность, как судьба индивида, который через них вступает в противоречие с остальными. Таким образом понимаемые идентичности не могут быть вопросом выбора, каждая из них дается навсегда, индивид получает ее в готовом виде, и она воспринимается как нечто, что неизбежно заставляет людей следовать определенному типу поведения. Такой тип идентичности будет создавать барьеры и противопоставления. Единственный способ перескочить барьер — ассимиляция. Могут, однако, оформляться и диалогизирующие идентичности, взаимодействующие идентичности, которые в процессе такого взаимодействия изменяют сами себя, становятся чем-то другим. От того, создает ли конкретное общество регрессивные и фундаменталистские или взаимодействующие между собой идентичности, в большой степени зависит появление или отсутствие в нем этнических и религиозных конфликтов.

Процессы глобализации, в частности культурной, приводят к своеобразной компрессии пространства, при которой благодаря глобализованным коммуникациям резко усиливается взаимодействие между культурами, возможность когда-то обособленных друг от друга культур сейчас взаимодействовать между собой может иметь двойственные последствия. Может ускорять изменения в идентичности, процессы дополнения, обогащения, развития в результате самых различных взаимодействий. А может иметь и противоположный эффект капсуляции, при котором диаспоры, независимо от их местоположения, контактируют прежде всего с представителями своей культуры во всем мире и борются за ее сохранение в некоей первоначальной, «аутентичной», неизменной форме.

Во-вторых, идентичность — это не только и не просто унаследованная данность, но в современном мире сложных взаимодействий между различными общностями и группами, воспринимаемыми как имеющие различный статус и ценность, мы наблюдаем постоянное стремление той или иной общности или индивидов воспринимать характеристики других общностей, элементы их идентичности или даже их идентичность в целом. В сущности, процессы европеизации и модернизации в Болгарии, как и везде в мире, связаны с принятием ценностных систем и характеристик государств и общностями, которые воспринимаются как имеющие более высокий статус. Так, например, Ататюрк, создавая турецкую республику в начале 1920-х годов, отказался от выражения родного турецкого языка с помощью арабской азбуки и перешел на западноевропейскую латиницу. Везде при переменах в родном языке, в который в результате глобализации непрерывно входят новые слова, появляется оппозиция со стороны борцов против «иностранных слов», за «чистоту языка», основываясь на том, что язык тес-

но связан с национальной идентичностью. Независимо от этого язык быстрыми темпами изменяется. Трансформация идентичностей в странах полупериферии и периферии мировой системы есть принятие характеристик, в прошлом типичных для западных государств. Но и в предыдущий исторический период — до Бориса I болгары не воспринимают христианство как элемент своей идентичности, и только позднее принятое цариградской церковью христианство становится частью их идентичности.

Американский социолог Роберт Мертон вводит понятие «референтная группа», к которой человек не принадлежит, но очень хочет принадлежать и уподобиться ей, независимо от того, что она может оказаться для него закрытой. Это хорошо видно даже в развитии больших наций, которые отстают от развитых западных государств. В русской традиции мы знаем о конфликте между почвенниками и западниками, который, в сущности, был связан с вопросом, что из западного опыта и идентичности надо воспринимать и что нет. Это в меньшей степени касается Болгарии, которая в своей современной истории находилась в намного большей внешней зависимости и поэтому намного активнее включала внешние характеристики в процессе своего развития и идентичности, особенно при радикальных поворотах своей истории. Например, после 1989 года были выдвинуты лозунги «Путь к Европе» и «Новые цивилизационные ценности», что предполагало резкую трансформацию болгарской идентичности в направлении принятия характеристик от Западной Европы.

Существуют как стигматизирующие, так и фаворизирующие идентичности, и люди бегут от стигматизирующих в направлении социально фаворизированных и выглядящих позитивно личностей. В каждом обществе есть стигматизирующие группы и идентичности, и большая часть людей не хочет отождествлять себя с ними — так возникает, в сущности, различие между «объективным» (общность, в которой ты родился) и субъективным, связанным с самоопределением человека и с тем, как он воспринимает собственную идентичность. Это объясняет, например, тот факт, что небольшая часть ромов (цыган) у нас при переписи населения не пишут, что они таковые, а указывают, что они турки или болгары, и постоянно говорится о том, что данные об «их реальном количестве» не точны. Если взять такие политические идентичности, как «коммунист» и «демократ», то будет видно, что в различные периоды они имеют различный статус и связаны с различными референтными группами. До 1989 года «коммунист» имеет высокий ценностный статус, что связано с референтной группой, к которой многие хотят принадлежать. После 1989-го в результате геополитических изменений эта идентичность была стигматизирована за счет придания высокого ценностного статуса такой идентичности, как «демократ». Изменения идентичностей в свою очередь связаны с кризисными процессами, нередко с конфликтами и агрессией со значимыми последствиями.

В-третьих, человек обладает не одной, а множественностью идентичностей, некоторые из которых имеют своеобразный иерархический характер на разных уров-

нях. Ни одна из них не является неизменной, но непрерывно изменяется, включает новые характеристики, расширяя или сужая свои границы. Например, можно иметь этническую идентичность турка, национальную идентичность болгарина и европейскую идентичность, связанную с принадлежностью к ЕС. Именно поэтому мы говорим не какой это турок, а болгарский турок в государстве — члене ЕС. При этом некоторые идентичности могут быть для него более важными, чем другие. Например, профессиональная идентичность для ученого может быть важнее, чем религиозная или этническая. Перемещение людей по планете и увеличивающееся количество диаспор влекут за собой, как следствие, интенсивные перемены и процессы конструирования идентичности. Например, болгарин в США, становясь американским гражданином, может вписаться, взаимодействовать, достичь успеха в данной среде, и сохраняя свои болгарские характеристики, особенно с помощью виртуального общения через глобальные коммуникации со своими соотечественниками, в то же время воспринять черты, характеристики и влияния американской среды. В этом смысле он обладает чертами болгарского американца. Возможно, конечно, что ему будет трудно вписаться в среду, он будет чувствовать себя изолированным, эксплуатируемым, нереализованным, как и многие миллионы других иммигрантов, которые весьма часто оказываются на социальном дне соответствующих обществ. Тогда вероятно тенденция к усилению определенных болгарских характеристик, он может даже стать большим националистом, чем националисты в Болгарии. Это относится и к религиозным характеристикам, и не случайно среди исламских фундаменталистов немало выросших не где-нибудь, а в Западной Европе.

В-четвертых, мультикультурализм разделяет и противопоставляет людей друг другу, когда он пренебрегает некоей общей ценностной базой и вырождается в моральный и культурный релятивизм. Современная ценностная система в Европе есть результат модернизации и эпохи Просвещения, и если нет некоего общего ядра таких ценностей, которые, можно сказать, лежат, например, в основе европейской идентичности, интеграция невозможна. В ряду этих ценностей — отделение государства от религии, равенство полов, учет современных правовых систем. Локальная этническая и религиозная идентичность не должна вступать в противоречие с европейской идентичностью, предполагающей некую общую ценностную базу для всех, кто хочет жить и быть членами ЕС. В этом смысле те или иные элементы различных культур и идентичностей не должны рассматриваться как идентичные, их следует оценивать как в контексте определенной универсальной ценностной шкалы, так и с точки зрения необходимости, чтобы каждый гражданин конкретной страны имел и чувствовал определенные обязанности, идентифицировался бы с ней, испытывал чувство гражданской и культурной принадлежности к этой стране.

В-пятых, следует иметь в виду, что интеграция различных культур и идентичностей в немалой степени обусловлена и особенностями каждой из них. Есть близкие культуры и идентичности, между которыми

интеграция происходит сравнительно легко, но существуют и такие, между которыми этот процесс проходит намного труднее, и там мы имеем тенденцию обособления, отделения одной от другой. Близость в языковом и религиозном отношении может быть результатом долгого исторического сосуществования соответствующих культур или связана с общими социализационными механизмами и пр. В Западной Европе болгары, русские и связанные с христианской традицией европейцы легче интегрируются в соответствующие общества по сравнению с иммигрантами с Ближнего Востока, из Африки, Центральной Америки, Юго-Восточной Азии. Есть такое мнение, что в болгарскую культуру легче интегрируются армяне, чем ромы. Исследование сотрудников Института по изучению обществ и знания при Болгарской академии наук, проведенное в 2011 году под руководством Эмили Ченгеловой, показывает, к примеру, что в Болгарии проживают около 110 тыс. иммигрантов из различных стран, которые сосредоточены главным образом в больших городах. В целом — и экономически и социально — они интегрированы в болгарское общество. Этому способствует установленная в исследовании высокая степень толерантности болгар к иммигрантам. Однако оказывается, что по степени и ресурсам интеграции в болгарском обществе мы имеем значительные различия между отдельными иммигрантскими общностями, культурами, идентичностями. Есть такие, которые являются «сильно закрытыми», как неприступные крепости, имеющие хороший внешний фасад и приемлемое социальное лицо, и куда невозможно проникнуть. Примером такого типа общностей являются китайские и вьетнамские иммигранты.

Вторым типом иммигрантских общностей и культур с точки зрения их способности к интеграции с ведущей болгарской культурой и идентичностью, обладающих ресурсами для определенной степени культурной диффузии, являются «общности со средней степенью социальной дисперсии», которые допускают взаимодействие в определенных границах. К ним можно отнести иммигрантов из арабских стран, Индии, США, Канады и Македонии. Третий тип — это «полностью открытые для интеграции иммигрантские общности», которые проявляют максимально высокую склонность к интегрированию в болгарское общество. Типичными здесь являются граждане России, Молдовы, Украины, бессарабские болгары. В сущности, близость или удаленность культур, их способность входить в процессы культурной диффузии, инкультурация, акультурация могли бы быть и основой иммигрантской политики общества. Оно должно быть более открытым для иммигрантов из культур, с которыми существует более короткая дистанция и возможна активная интеграция.

В-шестых, возрастающее разнообразие общностей в национальном государстве нельзя превратить в некую целостность, которая контактировала бы просто через политическое понятие о нации и всеобщее равенство гражданских прав; требуется и общая культура, язык, система общения, с помощью которых и возможна коммуникация. Наряду с разнообразием идентичностей, включая религиозные, этнические и связанную

с ними культурную специфику, в национальном государстве должен быть и более высокий уровень, на котором они могут объединяться в общую культуру — результат совместного участия всех общностей. Возникает вопрос, как разнообразие могло бы сочетаться в некое единство, а не быть совокупностью не связанных между собой, не имеющих ничего общего культур или идентичностей. Подчинения единому праву и законам недостаточно, чтобы добиться интеграции различных общностей, необходима также единая шкала ценностей.

Закон не может решить проблемы интеграции, если он не опирается на единую базу ценностей, то есть некую общую, совместную, интегрирующую идентичность. Эта общая идентичность также не может находиться в застывшей, неизменной форме, а должна быть результатом взаимодействия различных культур и их вовлечения в сходные процессы развития, экономические и политические воздействия. Не могла бы существовать в истинном смысле слова политическая нация, если, например, различные по этническому происхождению граждане Германии не говорили бы на немецком языке, а, владея этим языком, они получают возможность достичь тех или иных личных успехов в обществе. Если бы они не говорили на одном языке и не имели общих ценностей, то не было бы основы, на которой могли бы проявляться их различия. Нет истинного равноправия этнических идентичностей для тех болгарских ромов и турок, которые не знают болгарского языка, потому что, не зная языка, намного труднее получить хорошее образование и тем самым реально получить равные возможности развития с остальными. Это возможно только при условии, что они, кроме своих этнических характеристик, воспримут и некую общую культуру, которая является их общим культурным пространством, коммуникационной системой, ценностно-регулятивным механизмом, гордостью и сопричастностью с этой культурой. Если нет такой общей национальной идентичности, то не во что интегрироваться отдельным культурам. А это предполагает, что политическая нация неотделима от некоей доминирующей культуры, которую разделяют все, в то время как на другом уровне, в гражданском обществе, каждый свободен выражать свои культурные различия.

Например, проблема болгарских ромов не в том, сохраняют они свою идентичность или нет, а в том, что у них нет такого образования, какое получают болгары, чтобы таким же образом успешно продвигаться по жизни. И это совсем не проблема мультикультурализма, а скорее их неспособность вписаться в единую культуру Болгарии. Масса фондов наперегонки начали учить их «родному языку», а, в сущности, их проблемой является болгарский язык и образование. Это касается и немалой части болгарских турок, которые хорошо знают свой «родной язык», но оказываются неспособными интегрироваться в болгарское общество, потому что не знают болгарского и не имеют необходимого образования на болгарском языке.

Именно потому, что мы имеем дело не со статичными и неизменными идентичностями и культурами, а с множественностью идентичностей, различными

уровнями культурной принадлежности, следовало бы учесть, что общие политические единицы возможны только в том случае, если независимо от их культурного разнообразия на более высоком уровне различные культуры будут опираться на общее культурное ядро, часть общей национальной идентичности. Политика признания различий не должна проводиться за счет политики признания единства. В противном случае различия будут приводить к распаду и противопоставлению отдельных частей общества. Если мы будем опираться только на гражданское (политическое) понятие нации, в котором общим между группами людей является только их правовая привязанность к какому-либо государству, то это государство не будет иметь шанс уцелеть. В любом случае необходимо общее культурное понятие о нации как виртуальной или воображаемой общности, представляющее общее поле коммуникации через общий язык, места памяти, знаки, символы, значения. Это получается в общей образовательной системе, в которой различные этнические общности могут выучить общий язык, иметь равные возможности для получения образования и вертикального роста в обществе. Если они не имеют такой возможности или она не реализуется на практике, лозунги о мультикультурализме приводят к усилению отчуждения между отдельными общностями, к капсуляции части из них внутри соответствующих идентичностей и невозможности большой части их представителей конкурировать на рынке рабочей силы, в рамках различных институций наравне с представителями других общностей.

В сущности, именно с помощью общего культурного понятия нации, в которой имеет место многовековая конвергенция характеристик болгарских турок и этнических болгар, мы можем понять пресловутую болгарскую этническую модель. Эти нации, с одной стороны, несут в себе множество общих характеристик — результат их многовекового сосуществования в пределах Османской империи со всеми ее особенностями. С другой стороны, несут конвергированные характеристики от взаимодействия и длительного сосуществования в рамках сходных обстоятельств и образа жизни, создаваемые природными условиями и сельским хозяйством с аграрным способом производства и жизни в Болгарии. И, наконец, их огромная часть выросла в период формирования социалистической нации, что было связано с социально-экономическим равенством между ними, сходными обстоятельствами взрывной модернизации, ценностей, которые она формировала, способа, которым изменяла элиты различных общностей, фактом, что они были в одних и тех же школах, в одной и той же казарме, на одних и тех же предприятиях, в одних и тех же высших учебных заведениях — и эти процессы в большей или меньшей степени влияли на них схожим образом.

3. Социально-экономическое измерение интеграции

Речь идет об измерении, которое определяется как доминирующее при модели социалистической нации. В этом случае учитывается тот факт, что социально-экономическое неравенство, особенно если оно со-

впадает с этническими и религиозными различиями и неравенством, имеет дестабилизирующие последствия и приводит к процессам распада или ксенофобии. Когда-то Маркс писал, что «пролетариат не имеет отечества» и призывал: «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» За этим призывом стоит идея о различных социально-экономических интересах, о том, что интересы бедных или продающих свой труд капиталистам турок, болгар, армян, евреев и других сходны, как близки интересы представителей транснациональной и космополитизированной буржуазии в наши дни, независимо от ее этнических и национальных особенностей.

В сущности, многие исследования показывают, что экстремизм и терроризм на религиозной основе являются результатом распада и кризиса общностей, атомизации общества, изоляции индивидов, которые не видят своей реализации в обществе, в котором живут. Это создает ощущение отчужденности от общества, в котором ты живешь, независимо от твоей этнической и религиозной принадлежности, и способствует экстремизации поведения.

На практике сверхакцент на национальных и этнических идентичностях, придание им особого преимущества, когда это делается в той или иной концепции, — это типичный пример культурного детерминизма, то есть придания сверхзначимости одному специфическому виду детерминации в поведении людей и пренебрежения другими типами детерминации — например экономической детерминацией, которая связана с ролью тех или иных экономических факторов в функционировании общества и поведении личности. Этот культурный детерминизм, однако, имеет свои проявления и в реальном поведении людей, когда он превращается в идеологию, предлагающую в качестве ценности постановку на первое место идентичности, основанной на этносе, религии, поле и т. д.

В условиях экономического кризиса, когда увеличивается число людей, попадающих в тяжелое экономическое положение, проще всего обвинить в этом этнически и национально отличного от тебя. Именно так поступают сегодня этно-популистские и ксенофобские партии в Европе, подменяя реальные проблемы и противопоставления выдуманными. В сущности, нельзя не признать, что существуют по крайней мере две группы заинтересованных в подмене социально-экономического противопоставления этно-националистическим. Это, с одной стороны, экономические субъекты, которые наживаются на этом противопоставлении, а с другой — политики, которые стремятся к власти, манипулируя этно-националистическими или религиозными идентичностями. Бытует мнение, что Усама бен Ладен с его исламским фундаментализмом был создан США как инструмент в войне с советскими войсками в Афганистане, но впоследствии этот религиозный Франкенштейн вышел из-под контроля и обрушился на головы самих американцев.

В конечном счете основным фактором, приводящим к кризису мультикультурализма сегодня, является не просто мультикультуралистская политика либеральных политических элит, а нечто более глубокое — это процесс, который Иммануил Валлерстайн характери-

зует как системный кризис современного капитализма, связанный с выходом из неравновесия созданной им мировой системы во всех ее измерениях — экономическом, политическом, культурном. Одно из измерений этого неравновесия заключается в том, что когда-то существовавшие гигантские социальные неравенства между центром, полупериферией и периферией данной системы, когда богатые из центра были территориально отделены от бедствующих и голодающих на периферии, все больше в условиях глобализации переносятся в самый центр этой системы¹. Мощные иммигрантские потоки переносят бедных из бывшей колониальной периферии в крупные города богатых западноевропейских и североамериканских государств, где они надеются пользоваться теми же социальными приобретениями, какие имеют местные жители. В то же время в условиях глобализации неолиберальный капитализм показывает тенденцию к ослаблению социальных амортизаторов в развитых западных государствах, аннулированию прежних социальных благ. Этот процесс усиливается с увеличением количества бедных из числа иммигрантов и с резким ростом задолженности основных европейских государств, дополнительно приводящими к уменьшению социальных расходов везде. Это ударяет по местным гражданам стран, где появляется так называемый *underclass*, состоящий из отстраненных от социальных отношений граждан, теряющих позиции традиционных рабочих, которые видят в прибывающих иммигрантах конкурентов на их собственные места, в результате чего легко становятся избирателями, манипулируемыми националистическими партиями.

С другой стороны, в результате увеличивающегося структурного неравенства формируется новый феномен глобального неолиберального капитализма — неолиберальные гетто, которые возрастают ускоренными темпами и обособливаются на этнической, расовой, религиозной основе. Если классический капитализм в XIX веке создает большие социально-экономические гетто, например Ист-Энд в Лондоне, то сейчас в развитых странах все чаще можно наблюдать этнические и расовые гетто. В них безработица и преступность превышают предыдущие во много раз. В них вырастает поколение отчужденных от существующей системы молодых людей, которые при отсутствии объединяющей во имя перспективного будущего идеологии ищут спасение в различных формах агрессии — или в преступности, или в периодически вспыхивающих массовых бунтах и насилии против существующей системы, таких, которые произошли во Франции в 2005 году, в Греции в конце 2008-го и в Великобритании в 2011-м.

Во всех этих случаях беспорядки вспыхивали как будто из ничего, как результат убийства полицией отдельного человека. В определенный момент это превращается в постоянную характеристику центров современного, сильно дифференцированного, глобализованного и воспринимаемого как несправедливый капитализма.

Очевидно, что напряжение, которое накапливается между бедными иммигрантами, независимо от того, получили они права граждан соответствующей страны или нет, и богатыми слоями общества таково, что отсутствие подходящей идеологии, которая могла бы упорядочить существующее положение, приводит к спонтанным массовым формам насилия, к озлоблению и ненависти в отношении государства и общества вообще. Не случайно в Лондоне массовые беспорядки начались через несколько месяцев после истерии вокруг свадьбы престолонаследника Уильяма и Кейт Миддлтон, сопровождавшейся демонстрацией огромных расходов, миллионного богатства, массовыми зрелищами в Лондоне и по телевизионным каналам во всем мире. Очевидно, что как раз в Лондоне это дополнительно усилило в среде маргинализованных и безработных молодых людей, которым нечего терять, не живущих даже в крайних кварталах, как это было в XIX веке, ненависть к существующей системе.

Участие в беспорядках и погромах — это стремление вырваться из бессилия, из беспомощного состояния, в которое их поставила система. При этом в Греции и частично в Великобритании столкновение произошло не просто на этнической основе. В Великобритании повод — убийство чернокожего молодого человека — привел к участию в погромах людей, большинство из которых родились в этой стране, хотя и являются выходцами из бывших британских колоний, часть из них являются этническими англичанами, но все они чувствуют себя на дне общества. Нет лидеров, нет организации, есть просто озверевшая, чувствующая себя отчужденной и ненавидящая существующую систему толпа, которая начинает бесчинствовать и бессмысленно уничтожать все вокруг. Это усиливает деградацию, срыв, ненависть между различными общностями. В этих условиях идеология и практика мультикультурализма просто превращаются в источник фальшивого сознания, представляющего существующее капиталистическое социальное неравенство как этническое или религиозное, а не как реальный социально-экономический феномен. Без решения проблем социально-экономического неравенства мультикультурализм превращается в фасад на много более глубоких противоречий и по существу не работает.

¹ Wallerstein I. The Global Economy won't Recorder. Now Again // Foreign Policy. 2011. Jan./Febr.